

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Постсоветский период обогатил российскую историческую науку новыми научными темами и подходами к их освещению. В их числе гражданское общество и его становление в пореформенной и предреволюционной России. Истории российского гражданского общества, получившего выражение в деятельности научных организаций, посвящена монография известного американского историка, профессора истории Университета Талса (Оклахома) Дж. Брэдли, вышедшая в свет в 2009 г.** Брэдли – известный историк с многолетним стажем работы в российских архивах и репутацией основательного и глубокого исследователя социальной истории, автор нескольких известных книг по позднеимперской истории России¹. Нашему вниманию представлено монографическое исследование истории российских общественных организаций, являющееся плодом его многолетних изысканий.

Книга представляет интерес для российского читателя, во-первых, в теоретическом плане, поскольку автор детально анализирует существующие в англо-американской литературе концепции взаимоотношений власти и общества в странах Западной Европы и в позднеимперской России. На типичный для современной историографии вопрос о том, существовало ли в дореволюционной России гражданское общество, он последовательно дает положительный ответ, и книга содержит богатый эмпирический материал о деятельности ряда известных научных обществ и съездов, который подтверждает его взгляд. Брэдли призывает считать эти общества моделью, в рамках которой формировалась публичная сфера и адекватная ему политическая и правовая культура. Под «публичной сферой» понимается поле взаимодействия частных лиц. Для Брэдли это понятие является синонимом термину «общественность». Под гражданским обществом автор, со ссылкой на определение современного политического философа Дж. Грея², понимает сеть человеческих взаимоотношений и институтов вне прямого контроля государства, которые позволяют частным лицам, незнакомым между собой, заниматься делами сообща (с. 6–7).

Основой гражданского общества Брэдли, разделяя мнение ведущего теоретика публичной сферы Ю. Хабермаса, считает добровольные ассоциации, т.е. независимые институты, наделенные правами формулировать задачи своей деятельности, самостоятельно вести свои дела, владеть и распоряжаться собственностью, избирать собственных членов. Это светские, некоммерческие, самоуправляемые филантропические, образовательные, культурные и научные общества Нового времени, которые предлагали неизвестные в условиях сословного общества формы организованного общения и самоопределения, участия в общественной жизни (с. 5).

В начальный период своего существования, а именно в конце XVIII – первой половине XIX в., научные организации, по мнению автора, были благонамеренны и законопослушны, требовали лишь организационной автономии, однако не получив желаемого, перешли к конфронтации с государством. Брэдли видит свою задачу в том, чтобы сфокусировать наше внимание на сложности и противоречивости политической культуры дореволюционной России. Добровольные общества, по его словам, играли двоякую роль в социально-политической жизни России. С одной стороны, они «сти-

* Туманова Анастасия Сергеевна, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики.

Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных научных исследований ГУ-ВШЭ в 2010 г. «Партнерство гражданского общества и государства в решении социальных проблем».

мулировали взаимодействие государства и общества, с другой – стали решающим фактором в стремлении освободить общество от деспотического правления и произвола бюрократии» (с. 1).

Брэдли опровергает распространенный взгляд на политическую культуру Российской империи как всецело конфронтационную, основанную на противоборстве сильного государства и его слабых и политически незрелых подданных, малоспособных к самоорганизации и противостоянию «Левиафану царизма». Он констатирует потребность в новых работах о российском гражданском обществе, видит признаки того, что историография (прежде всего англоязычная, которая обстоятельно анализируется в его книге) отходит от нарративов о всемогущем государстве и примитивном обществе, от односторонней концепции упадка царской России, завершающегося революциями. Брэдли считает, что способность царского режима подавлять гражданское общество и пресекать тягу его членов к объединению явно преувеличивается (с. 3), а актуальной задачей современной исторической науки является понимание того, что сплывало царскую Россию, а не очередное указание на то, что ее разрушило.

Принципиально важным для понимания воззрений Брэдли на гражданское общество дореволюционной России видится высказываемое им желание дистанцироваться от авторов, для которых гражданское общество является противником государства. Вместе с тем он не вполне согласен и с теми историками, которые полагают, что гражданское общество поздней имперской России было союзником государства во взаимном развитии прогресса и цивилизации. Брэдли считает оба суждения неточными, но утверждает, что сторонники второй точки зрения ближе к истине и их представление более пригодно для характеристики гражданского общества России. Подобную оценку российского гражданского общества в целом разделяют такие зарубежные историки, как А. Линденмейер, О. Файджес, М. Хильдермайер, Д. Вортенвейлер, Л. Энгельштейн³ и такие российские историки, как В.Я. Гросул, А.Е. Иванов, А.Н. Медушевский, Б.Н. Миронов, Д.И. Раскин, И.С. Розенталь, А.С. Туманова, Г.Н. Ульянова, В.В. Шелохаев⁴ и др. Напротив, Л. Хэфнер, Э. Кимбелл, Дж. Хатчинсон⁵ характеризуют гражданское общество последнего десятилетия императорской России как слабое, поскольку для авторитарного строя не было характерно признание таких важных атрибутов гражданского общества как гражданские права, вероисповедная и этническая терпимость, верховенство права и закона, неприкосновенность собственности и автономия частной сферы. Л. Хэфнер – главный оппонент Брэдли – считает более адекватным реалиям поздней имперской России понятие «местного общества». Иначе говоря, он признает наличие гражданского общества на местах, в отдельных губернских и уездных центрах, но отказывает ему в существовании в общеимперском масштабе ввиду отсутствия форм и сетей коммуникаций на межрегиональном уровне. Российское местное общество, являвшееся эквивалентом европейского буржуазного общества, не выполнило, по мнению Хэфнера, своей исторической роли. Будучи аморфным и малочисленным (по подсчетам Хэфнера, всего 1.5–2% от численности городского населения Казани и Саратова), оно не сумело стать интегрирующей третьей силой между властью и массами, в результате чего и «было раздавлено этими жертвами»⁶.

Хронологические границы процесса формирования гражданского общества в имперской России выстраиваются Брэдли следующим образом. Вектор данного процесса был намечен реформаторскими проектами Екатерины II и Александра I, а период активного развития пришелся на годы правления Александра II и, в особенности, Николая II. В американской русистике присутствуют попытки датировать формирование гражданского общества в России концом правления Александра I (М. Раев⁷), 1890-ми гг. (О. Файджес, Т. Эммонс⁸), 1905–1914 гг. (В. Боннелл⁹). В современной российской литературе этот вопрос также остается открытым. Так, И.С. Розенталь констатирует становление институтов гражданского общества в России в начале XX в.¹⁰, в то время как Б.Н. Миронов датирует генезис гражданского общества царствованием Екатерины II, когда возникли первые добровольные ассоциации¹¹. На мой

взгляд, говорить о гражданском обществе можно применительно к России начала XX в., когда в стране полным ходом шел процесс разложения сословного общества и общественное положение подданного все меньше определялось его сословным статусом и все больше – его профессиональной принадлежностью и общественной позицией. Соответственно, можно выделить критерии, которые позволяют судить о качественном состоянии общественности и уровне ее институционализации. Во-первых, это наличие институционального каркаса в виде оформившейся системы добровольных ассоциаций, отражавших разнообразие интересов и потребностей групп российского общества. Во-вторых, складывание правовой основы для самоорганизации, а также рождение доверия к праву как к регулятору взаимоотношений между властью и обществом. Третий существенный аспект самоорганизации, идеологический, предполагал бытование в обществе идеологии, признававшей значимость объединения людей как важного фактора развития социума. Четвертый, практический, аспект включал наличие у самодеятельных объединений успехов в достижении декларируемых ими задач. Все 4 критерия в совокупности присутствовали в период 1906–1917 гг.

Брэдли обосновывает существование в дореволюционной России гражданского общества следующими аргументами. Во-первых, это почти повсеместное присутствие добровольных обществ в политической системе императорской России начала XX в. По приводимым им приблизительным оценкам, в это время существовало около 10 тыс. добровольных обществ. Брэдли отмечает также, что накануне Первой мировой войны Россия занимала первое место в мире по числу кооперативных обществ (с. 1). Сошлюсь в этой связи на данные, приведенные А.П. Корелиным, отметившим стремительный численный рост кооперативов с начала 1905 г., когда их было более 4 тыс., до конца 1914 г., когда их насчитывалось уже около 30 тыс.¹²

Помимо численности, Брэдли указывает и на обширную географию добровольных обществ, которые существовали везде – в Санкт-Петербурге и Москве, в столицах нерусских регионов империи, в крупных провинциальных центрах и небольших городах. Российская общественность имела и свою региональную «специализацию». Столичные центры характеризовались авторитетными учеными обществами, в небольших городах преобладали благотворительные и сельскохозяйственные организации, развлекательные и спортивные клубы. При этом общественные организации, как свидетельствует Брэдли, «вышли на публику с поразительным количеством и многообразием задач и проектов» (с. 1). В ряде областей российской жизни они оказали весьма эффективными и успешными, существенно дополняя усилия государства и органов местного самоуправления. Обращаясь к европейскому опыту формирования гражданского общества (глава 1), американский историк указывает на схожесть основных видов и форм деятельности российских обществ с их европейскими собратьями (ведь наличие гражданского общества в странах Западной Европы трудно оспаривать). Он утверждает, что русские общества вовсе не были бледными копиями их европейских аналогов.

Компаративный подход ныне чрезвычайно популярен в общественных науках. В странах Европы, как и в Российской империи, развитие ассоциаций было сложным и противоречивым процессом. Просвещенные монархи XVIII в. поощряли частные общества, чтобы распространять полезные знания, развивать благотворительность и др. Это считалось здоровой и патриотической деятельностью. Между тем в Европе, как и в России, государственная власть опасалась политических последствий подобной работы. Брэдли ссылается на пример Германии, где вплоть до 1908 г. за деятельностью частных обществ наблюдала политическая полиция. Тем не менее ни надзор, ни контроль не мешали немцам объединяться. Указывает Брэдли и на противоречивость процесса складывания в странах Западной Европы среднего класса, признанного «спутника» гражданского общества в современной политической теории. Историк отмечает, что и на Западе средний класс был достаточно незрелым и разобщенным. Таким образом, русский «случай» формирования гражданского общества

не так уж сильно выдавался из общеевропейского «ряда». Были свои особенности, отличия в качестве развития общественных институтов, определявшиеся более поздним модернизационным «стартом» России в сравнении со странами Западной Европы и США.

К этому можно прибавить, что сравнение истории разработки в России правовых основ деятельности общественных организаций (правовое измерение гражданского общества), завершившейся дарованием населению империи права на объединение и установлением рамок и форм его реализации, с ситуацией в странах континентальной правовой системы имело много общего. Там, как и в России, правительства начали задумываться над созданием законодательных основ для развития обществ и союзов под воздействием революционного процесса, а широкая свобода союзов была установлена во Франции и Германии только в начале XX в.

Так, право граждан Франции на создание союзов было провозглашено в Конституции 1848 г., однако существенно ограничивалось актами конца 1840-х – начала 1850-х гг., запрещавшими политические союзы, клубы и публичные политические собрания. Французский закон об ассоциациях и религиозных конгрегациях, установивший действительную свободу ассоциаций, появился во Франции только 1 июля 1901 г. Он отменил прежние ограничения, предусматривавшие закрытие их правительством без указания мотивов и права обжалования. С его изданием союзы могли создаваться явочным порядком, без предварительного разрешения правительства. Подача заявления признавалась необходимой лишь для союзов, желающих обладать юридической правоспособностью. Разрешение требовалось для так называемых общественно-полезных объединений, наделавшихся более широкими правами.

В Германии свобода союзов была установлена в 1848 г., декларацией прав Франкфуртского сейма, а затем и конституциями отдельных германских государств. Они признали право подданных образовывать союзы без предварительного разрешения правительства. Далее следовали ограничения, установленные для союзов, преследующих общественные и политические цели. Разрозненные законодательные положения о союзах немецких государств были объединены общегерманским законом, изданным 19 апреля 1908 г. и названным в народе «исключительным законом против молодежи». Этот акт признал за германскими подданными право образовывать союзы без предварительного разрешения правительства. В то же время создание политических организаций регламентировалось особо: от них требовалась заявка на учреждение, их уставы и списки членов сообщались администрации, женщинам и молодежи в возрасте до 18 лет запрещалось участвовать в их заседаниях, и т.д.

Императорская Россия не стала исключением из общих правил. Первым и последним правовым актом, регулировавшим образование и деятельность общественных организаций, явились изданные в разгар первой русской революции 4 марта 1906 г. в форме именного Высочайшего указа Сенату Временные правила об обществах и союзах. В них были собраны воедино, систематизированы и модернизированы с учетом европейской традиции правового регулирования союзов и одновременно российских реалий юридические нормы, касавшиеся общественных организаций, созданы правовые гарантии для закономерной деятельности последних.

Попытка совместить «продвинутую» французскую модель правовой регламентации союзов, заметно более отсталую австро-венгерскую модель (из всех западноевропейских государств только в Австро-Венгрии государство имело право отказывать им в регистрации) и российскую практику регламентации обществ и союзов обусловила противоречивость Временных правил. Создание обществ с правами юридического лица обуславливалось в них предварительным разрешением особого административно-судебного учреждения, руководимого губернатором; местной администрации предоставлялось право приостанавливать действия обществ и вносить предложения об их закрытии. Между тем политические общества регулировались в общем порядке. Намерение власти пойти дальше и издать закон об обществах и союзах было подтверждено «Основными законами» от 23 апреля 1906 г., однако разработать такой закон не уда-

лось. С другой стороны, права российской общественности обеспечивались с 1906 г. растущим влиянием представительного органа власти – Государственной думы – и запросами последней по фактам нарушения прав и свобод подданных.

В центре внимания Брэдли – история 6 крупных научных обществ всероссийского масштаба (главы 2–6), тесно связанных с государством, обеспеченных богатой источниковой базой. Покровительство императора, разработанные для них уставы и апробированные временем бюрократические практики регламентации их деятельности обеспечивали этим организациям определенную защиту, а также делали их передним краем растущей сферы частной инициативы.

Рассматривая эти общества, Брэдли доказывает, что гражданское общество в России было созданием государства, что российское государство поощряло распространение полезных знаний, а общественные организации преследовали патриотические цели, работали на благо России. Первые 3 рассмотренных Брэдли научных общества были образованы до 1861 г. Это Вольное экономическое общество (ВЭО), основанное титулованными особами и учеными при непосредственном участии Екатерины II в 1765 г.; Московское общество сельского хозяйства (МОСХ), основанное крупными помещиками в 1819 г.; Русское географическое общество, созданное путешественниками, учеными и чиновниками в 1845 г. Образованные в период увлечения общественности сельскохозяйственной рационализацией, эти организации распространяли интерес к занятиям сельским хозяйством, а также к географии и естествознанию. Их деятельность являла образец сотрудничества между государственными деятелями и частными лицами. И только позже, в конце XIX в. ВЭО и МОСХ создали комитеты грамотности, приобретшие оппозиционный характер. Другая группа научных обществ, охарактеризованных в монографии, была основана после отмены крепостного права: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) в 1864 г., Русское техническое общество (РТО) и Общество русских врачей им. Н.И. Пирогова – соответственно в 1867 и 1883 гг.

Брэдли анализирует различные культурные мероприятия этих обществ, прежде всего, выставочную деятельность. Большой вклад в организацию выставок и демократизацию знания внесло ОЛЕАЭ. Результатами его работы стали политехническая выставка 1872 г. и создание политехнического музея с лабораторией, народными чтениями и воскресными показами коллекций, которые получают в книге обстоятельное освещение. Важное направление деятельности научных обществ – выработка и распространение политики в области народного образования вне непосредственного контроля власти. Здесь особенно преуспело РТО, которое управляло техническими и профессиональными школами и классами, организовывало публичные лекции и съезды деятелей по техническому образованию, и др. Поначалу РТО полностью сотрудничало с государством, особенно с Министерством финансов, но к концу XIX в. комиссия по техническому образованию все более и более стремилась к выработке политики в сфере образования, противостоящей политике Министерства народного просвещения. Схожую судьбу имели комитеты грамотности, которые также начинали свою деятельность в сотрудничестве с Министерством народного просвещения, но под влиянием членов (народников и либералов) стали более враждебно относиться к казенной России.

Существенную часть общественной самодеятельности в дореволюционной России составляли научные съезды. На них также сфокусировано внимание автора книги, и это тем более важно, что история научных съездов практически не получила освещение в исторической литературе, исключая съезды Общества русских врачей им. Н.И. Пирогова. Анализируя деятельность Пироговских съездов, Брэдли вновь указывает на ранее отмеченную особенность: изначально съезды были созданы для обеспечения сотрудничества врачебного «сословия» с государством, однако постепенно они стали оппозиционными по отношению к власти, критиковали государственную политику в области народного здоровья, требовали созыва народного представительства и т.п.

Главным итогом деятельности 6 научных обществ, рассмотренных в книге, автор признает создание и поддержание пространства общественной инициативы и самодеятельности, откуда произрастали ростки гражданственности. По его мнению, в России частные ассоциации играли для развития гражданского общества более важную роль, чем на Западе. Однако российское гражданское общество было все же слабее западного ввиду отсутствия здесь развитых политических институтов, таких как народное представительство, местное самоуправление, городские корпорации.

Соглашаясь с американским историком по всем принципиальным позициям и выводам его работы, укажу на ряд недостатков частного характера. Недостаточно убедительно звучит, на мой взгляд, его утверждение о наличии в дореволюционной России 10 тыс. общественных организаций. В историографии проблемы отсутствуют точные данные на этот счет, сведения различных исторических источников разрозненны и не позволяют составить полной картины. Общественные организации в начале XX в. трудно подсчитать вследствие их интенсивного развития, быстрого возникновения и зачастую не менее быстрого прекращения деятельности, большой численности, широкого регионального охвата, включая губернский и уездный уровень, отсутствия в научной литературе единой классификации обществ и союзов, крайне низкой сохранности фондов общественных организаций в архивах и др. Между тем попытки определить численность частных обществ предпринимались, в частности, в дореволюционный период. Так, по подсчетам дореволюционного исследователя Н.П. Ануфриева, признанным им самим приблизительными, за период с 1906 по 1909 гг. в Российской империи в порядке, установленном Временными правилами об обществах и союзах от 4 марта 1906 г., было образовано 4 800 организаций¹³. Современный историк В.М. Боккова проводит подсчет частных обществ, существовавших в России в первой трети XIX в. Она приводит сведения о 150 организациях, в число которых включает тайные общества, а также планировавшиеся, но не созданные объединения. За вычетом организаций двух последних категорий можно заключить, что в России насчитывалось порядка 125 неполитических обществ¹⁴. По поводу численности научных обществ имеются следующие разноречивые сведения. По данным Энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона в России в середине XIX в. существовало 20–25 научных обществ, к началу 1880-х гг. их насчитывалось уже 200, а к концу 1890-х гг. – 340¹⁵. Иные данные приводит в своей монографии А.Д. Степанский, насчитавший в России начала XX в. более 300 научных обществ с учетом 120 организаций этого профиля, возникших в 1905–1917 гг.¹⁶

Определяя общественные организации, Брэдли постулирует их независимость в уставной деятельности, способность устанавливать собственные нормы и правила, находящиеся вне непосредственного контроля администрации (с. 6–7). Однако самостоятельность обществ в их уставной деятельности в условиях авторитарного политического режима была, на мой взгляд, весьма призрачной. Отступления вновь образуемых обществ от уставов утвержденных ранее организаций были чреваты закрытием при первом же благовидном предлоге. Примеров тому было множество.

Характеризуя отношения между частными обществами и государством, Дж. Брэдли указывает на общий вектор их развития: от сотрудничества к сопротивлению. Ответственность за это историк возлагает преимущественно на государство, проводившее противоречивую политику по отношению к обществам, желавшее, чтобы частные общества способствовали процессу модернизации, но без побочных эффектов политического свойства. Между тем нельзя упускать из виду и растущую оппозиционность самих общественных организаций, политизацию их деятельности на рубеже XIX–XX вв., особенно накануне и в годы первой русской революции. Примером тому могли служить в том числе и ВЭО, РТО, Пироговское общество русских врачей. Обстоятельно анализируя исследования западных авторов по истории общественных организаций, Брэдли лишь упоминает работы российских историков. Между тем в России в последние годы вышло немало интересных монографических исследований об общественных организациях.

Подводя итог сказанному, отмечу, что монография Дж. Брэдли – яркое событие в историографии общественных организаций и гражданского общества Российской империи. Книга вызывает интерес, порождает дискуссии, раскрывает ключевую проблему взаимоотношений власти и общества в условиях авторитарной политической традиции.

Примечания

** *Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Sciences, Patriotism and Civil Society.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2009. 366 p.

¹ *Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia.* Berkeley, 1985; *Idem.* Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. DeKalb, Ill., 1990.

² *Gray J. Totalitarianism, Reform and Civil Society // Totalitarianism at the Crossroads / ed. Ellen Frankel Paul.* New Brunswick; L., 1990. P. 100.

³ *Engelstein L. The Dream of Civil Society in Tsarist Russia: Law, State and Religion // Civil Society Before Democracy: Lessons from Nineteenth-century Europe / ed. N. Borneo and Ph. Nord.* Lanham, 2000. P. 23–41; *Figes O. A People's Tragedy: A History of the Russian Revolution.* N.Y., 1996; *Линденмайер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 283–300; *Lindenmyer A.* Poverty is not a Vice: Charity, Society and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996; *Idem.* Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity. Pittsburgh, 1990; *Хильдермайер М.* Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 216–223; *Wartenweiler D.* Civil Society and Academic Debate in Russia. Oxford, 1999.

⁴ *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: традиции и новации. М., 2003; *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Медушевский А.Н.* Алексис де Токвиль. Социология государства и права // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 119–128; *он же.* Политическая теория российского конституционализма XX века // Российская история. 2010. № 1. С. 45–64; *он же.* Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России: Сборник статей. М., 1996. С. 69–78; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2; *он же.* Добровольные ассоциации и гражданское общество в поздней имперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 183–195; *Раскин Д.И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М., 1996. С. 662–831; *он же.* Российская империя XIX – начала XX века как система государственных учреждений, службы, сословий, государственного образования и элементов гражданского общества. Lewiston; Quenston; Lampeter, 2001; *Розенталь И.С.* И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007; *он же.* Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика. М., 2008; *она же.* Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России, конец XVIII – начало XX вв. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 50–63; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

⁵ *Хэфнер Л.* Civil Society, Bürgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в поздней имперской России // *Ab Imperio.* 2002. №3. С. 161–208; *он же.* «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др. Ульяновск, 2000. С. 468–526; *Кимбэлл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ, 1859–1863 // Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992. С. 260–282; *Hatchinson John F.* Politics and Medical Professionalization after 1905 // *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. by Harley D. Balzer.* Armonk; N.Y.; L., 1996.

⁶ *Хэфнер Л.* Civil Society, Bürgertum и «местное общество»... С. 199–201; *он же.* В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861–1914 гг. Результаты международного

исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 51.

⁷ *Raeff M.* Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. N.Y., 1984. P. 129.

⁸ *Emmons T.* The Zemstvo in Historical Perspective // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / ed. T. Emmons and W.S.Vucinich. Cambridge, 1982. P. 433; *Figes O.* A People's Tragedy... P. 162.

⁹ *Bonnell V.* Voluntary Associations in Gorbachev's Reform Program // The Soviet System in Crisis: A Reader of Western and Soviet Views / ed. A. Dallin and G.W. Lapidus. Boulder, 1991. P. 151–160.

¹⁰ *Розенталь И.С.* Москва на перепутье... С. 204.

¹¹ *Мионов Б.Н.* Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России. С. 184.

¹² *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 171.

¹³ *Ануфриев Н.П.* Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Кн. 1. М., 1917. С. 39.

¹⁴ *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 624–628.

¹⁵ Россия: Энциклопедический словарь. Факсимильное издание Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Л., 1991. С. 413–414.

¹⁶ *Степанский А.Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. С. 67.